

Александр Саныч и молодые французские леваки

Часто в свидетельствах о великих людях принято вспоминать самую первую встречу. А я первую встречу с Александром Александровичем и его семьей (Ольга Мироновна и дочь Полина), по правде говоря, не очень помню, потому что все вели себя очень просто и как бы с давно знакомыми людьми. Это было в 1974 году. В их квартире на Академической [метро «Академическая» – О.З.]¹.

Первый год общения был спокойным, если не считать жара наших дискуссий и споров, дружную атмосферу и моменты откровенного смеха и шуток, что, впрочем, случалось не очень часто. Но мы тогда не знали, что в дальнейшем будет еще реже. Потом появились «сопровождающие» у дома и в соседних квартирах.

Мы – это группа молодых друзей из Франции, окончивших там университет вскоре после того, что принято называть «событиями мая 1968 года». Идейное влияние и тогдашняя политкорректность имели огромный резонанс среди студенческой и постстуденческой молодежи во Франции. Идейный фон складывался вокруг протестов и демонстраций против американской войны во Вьетнаме. А на внутрифранцузском уровне – из-за относительной неадекватности нравственных правил и обычаев по отношению к семье и поведению молодых людей и девушек, поддерживаемых «устарелыми» законами. На социальном уровне – жесткое традиционное поведение французских капиталистов, которые не готовы были делиться с работавшими на них рабочими и служащими и скупались на инвестиционные расходы для улучшения условий производства и труда. Хотя дележ на самом деле был, но он проходил через бюрократические аппараты профсоюзов и политических партий, включая коммунистов, благодаря их участию в сопротивлении против нацистов. Этого на какое-то время хватило, чтобы гарантировать социальное спокойствие, особенно после Алжирской войны.

Парадоксально то, что тогдашняя экономическая конъюнктура была вовсе не так уж плоха, а по сравнению с нынешним положением Франции даже весьма хорошая. Тот период теперь называют “les trente glorieuses”, то есть тридцать лет квазиизобилия по нынешним меркам. А политическая стабильность была «слишком стабильна», и с распространением телевидения сильный государственный контроль над нею (карикатурный, если сравнить с сегодняшним) не мог отражать эволюцию общества, в том числе молодежи. Ее допустили до высшего образования именно благодаря экономическому развитию и

¹ Здесь и далее в квадратных скобках примечания Ольги Мироновны Зиновьевой, вдовы А.А. Зиновьева.

Дмитрий де Кошко, французский журналист, организатор ежегодных Дней русской книги в Париже, основатель ассоциации «Комитет бдительности, против ненависти и за мир в Европе», организатор сайта «StopRussophobia.info» – «СтопРусофобии». E-mail: dimitridekochko@gmail.com

политической стабильности¹. При генерале де Голле допускалось существование разных идеологических течений. В том числе активные меньшинства с разными марксистскими, анархистскими и маоистскими идеями. На волне протестов против войны во Вьетнаме и против левых партийных и профсоюзных аппаратов в борьбе против правительства и работодателей эти движения завоевали определенную часть студенческой молодежи. А после мая-68 – еще больше.

При чем же тут Александр Саныч? А вот из какого котла выходили те «молодые французы», которых тогда привела к Зиновьевым Кристина Мэстр, наша общая подруга, сыгравшая значительную роль в издании «Зияющих высот». Если об этом не напомнить или не объяснить, суть наших философско-политических обменов с А.А. окажется непонятной в нынешних условиях идейного ландшафта. Думаю, эта встреча была также всем интересна с интеллектуальной точки зрения. Ну, и с человеческой, естественно.

Для А.А., наверное, было немного странно встретиться с молодыми людьми, пропитанными марксистскими теориями и тогдашними надеждами на социализм, но яростно протестующими против советской «бюрократической предательской системы». Для Александра Саныча тогда советская система была совершенством социализма [конечно же нет, потому-то и была написана книга «Зияющие высоты» – О.З.], и поэтому наши понятия им трактовались как иллюзии и ошибки.

С моей стороны – я уже не могу говорить за остальных друзей – отношения с А.А. были не просто интересными, а воспитательными и освежающими в тогдашних советских условиях. Наконец нашелся человек, который не боялся и не притворялся перед «капстранцами». С ним можно было говорить открыто и откровенно, спорить по тем проблемам, которые нас тогда волновали. И у него можно было учиться и понимать логику системы – потом я понял, что это логика всех систем, а не только советской – и ее предвидимой эволюции.

Притом А.А. объяснял «коммунизм» с оппозиционной точки зрения не обычно, то есть не просто как репрессии в отношении оппозиционных действий или существование ГУЛАГа, или эмоциональные рассказы, часто разработанные западной пропагандой. Нет, у него было описание и размышление над системой, в том числе ее абсурдными и смешными проявлениями, что читателей «Высот» и других произведений Зиновьева не удивляло. Я многое для себя открывал, рано или поздно понимал, но все же стоял на своем: нет, в России не социализм.

Иногда Александр Саныч поздней ночью даже сердился на меня, порой очень жестко выражался, а Оля успокаивала: «Вы один из редких людей, с кем он способен так долго спорить». Кроме упорства, у нас была другая общая черта: мы не пили ни капли спиртного. По разным причинам. Позже при встрече уже во Франции А.А. хотел мне налить вина и очень удивился, что я действительно не пью. Он думал, это из-за осторожности в СССР.

Любой читатель Александра Зиновьева понимает: то, о чем я здесь рассказываю, с годами поменялось в совокупности с зарубежным опытом семьи Зиновьевых. За рубежом наше общение не прервалось. Мы встречались не так часто, но так же интенсивно, хотя наши точки зрения все больше и больше сближались. Я писал и проталкивал статьи о нем в АФП, где я работал. Слушал и спрашивал его мнение и прогнозы. Позже, когда они вернулись в Россию, я приезжал к ним в Чертаново. Как-то раз А.А. был один, и мы с ним ели на кухне бутерброды и огурцы с помидорами и говорили о Югославии, которую тогда раздробляли натовские силы. Я бывал там и освещал войну в своих материалах

¹ Часто мне приходит на ум, что эта ситуация сравнима с тем, что произошло в Белоруссии в 2020 году. Я теперь убежден, что движение мая-68 во Франции было первой цветной революцией по уничтожению суверенной власти Де Голля. Но тогда мы этого еще не понимали, поэтому леваяки и оказались инструментом американского империализма...

для агентства. Рассказывал А.А. в частности и о том, каким односторонним было освещение западной прессы в пользу хорватов, боснийских мусульман и албанцев из Косово. Он был первым, кто мне тогда сказал, что это общая репетиция того, что Запад готовит для России.

Знаю, что для меня А.А. – человек, который оказал большое влияние на мое мировоззрение и поведение. Не к простой жизни. Можно даже сказать – в сторону осложнения. Куда легче быть проходимцем, карьеристом и трусом (в том числе для защиты отечества). Не иметь никаких принципов и не замечать ничего, что может повредить карьере и спокойной жизни с враждебной или установленной властью, когда она нарушает эти принципы. А именно – справедливость, гражданство и свободу слова.

С этим Александр Зиновьев жил всю жизнь. А меня это подготовило к тому, что мне однажды сказал президент АФП на профсоюзном собрании (я еще и профсоюзом журналистов занимался): «Я чувствую вашу искренность, господин Кошко, но...». В его устах это был не комплимент, а вежливая форма сообщить мне и другим, что я полный дурак. «Вы знаете, господин президент, – ответил я, – в детстве я был за индейцев!». «Ну, тогда это безнадежный случай», – заметил он в заключение.

Может быть, именно поэтому мы с Александром Зиновьевым так ценили наше общение и, надеюсь, нашу дружбу.

Париж, сентябрь 2022

Аннотация. В 1974 году молодые левые французские интеллектуалы, посещавшие Москву, имели возможность встретиться с А.А. Зиновьевым. Эти встречи произвели сильное впечатление на автора, особенно в ходе острых дискуссий о том, является ли социализм в СССР настоящим социализмом? Зиновьев не боялся говорить открыто и обсуждал вопрос глубоко научно и аргументированно. Спустя много лет, уже после высылки Зиновьева с семьей на Запад, автор имел возможность общаться с Зиновьевым, публиковать его статьи и интервью во французской прессе. Оценки Зиновьева происходящего в мире всегда были точны и беспощадны – его принципиальность, способность говорить правду стали заразительным примером для автора.

Ключевые слова: Парижская весна, капитализм, социализм, империализм, Россия.

Dmitry de Koshko, French Journalist; Organizer, Russian Books Days in Paris; Founder, “Vigilance Committee against Hate and for Peace in Europe” Association; Organizer, “StopRussophobia.info” Site – “StopRussophobia”. E-mail: dimitridekochko@gmail.com.

Alexander “Sanych” and the Young French Leftists

Abstract. In 1974 young French intellectuals of leftist views who visited Moscow, had the opportunity to meet A.A. Zinoviev. Those meetings greatly impressed the author of the article, especially the sharp debates about whether socialism in the USSR was real socialism. Zinoviev was not afraid to speak openly and discussed the issue profoundly scientifically and reasoned. After many years and the deportation of Zinoviev and his family from the USSR to the West, the author of the article had the opportunity to communicate with Zinoviev and publish his articles and interviews in the French press. Zinoviev’s assessments of the world events were always accurate and ruthless, – his adherence to principles and the ability to speak the truth became example-setting for the author of this article.

Keywords: Paris Spring, Capitalism, Socialism, Imperialism, Russia.